

ТАЙНА ГОЛЬФСТРЕМА

Работа кончена! Весь добытый на станціи матеріаль законсервированъ и рассаженъ по банкамъ, а измеренная и вскрытая рыба отдана для посола. Лабораторія приведена въ порядокъ. Мы не заметили, какъ прошло 3 часа! Въ дверяхъ лабораторіи показывается Александръ Петровичъ.

— Николай Михайловичъ — говоритъ онъ. — Пришли! 70°00' с. ш. и 33°30' в. д.!

Новая станція! Снова те же работы и при этомъ обязательно — температурная серия и пробы воды для анализа. Едва покончишь съ матеріаломъ, добытымъ здесь, какъ мы уже въ новомъ пункте. Ночи нетъ и работа идетъ непрерывно. Какъ-то незаметно проходитъ обедъ, послеобеденный чай и кофе, ужинъ... Наконецъ и ночь, но только — на часахъ, такъ какъ светъ почти не уменьшается! Только серое небо и серыя волны сделались еще серее!

Часовъ 40 не спали мы все, непрерывно работая въ лабораторіи.

— А ведь такъ у насъ дело не пойдетъ! — сказала Николай Михайловичъ, когда мы на какой-то уже довольно отдаленной станціи разбирали матеріаль. — Спать все-таки нужно! Давайте работать въ две вахты!

Мы разделились на две смены съ темъ, чтобы меняться черезъ каждые 4 часа.

Вотъ, утомленный после смены вахты, прихожу я въ свою каюту и заваливаюсь въ койку. Совсемъ раздеваться не приходится, такъ какъ черезъ 4 часа — снова на работу. Засыпаю моментально, убаюкиваемый мернымъ покачивашемъ парохода. Такая качка для меня теперь уже не страшна; напротивъ, когда я ложусь въ койку, она, пожалуй, даже пріятна.

— Константинъ Павловичъ, обедать подано! — будить меня Эрнстъ.

Четыре часа прошли незаметно, но я схватываюсь бодрымъ, здоровымъ, вполне готовымъ къ работе.

Въ каютъ-кампаніи весело и оживленно.

— Господа, — говоритъ кто-то, — а ведь наша газета сегодня не прочитана!

Газетой намъ служить отрывной календарь. Ихъ у насъ было два, и каждый день мы подъ общій хохоть читали удивительныя календарныя сведенія. Я взглянулъ на календарь и удивился: мы уже 5-й день въ море!

— Прежде всего, господа, — читаетъ Александръ Петровичъ — «погода по Брюсу: ветренно, дождь!»

— А ведь, верно!

— Нетъ, совсѣмъ не верно, — заявляетъ кто-то изъ товарищей, читавшій листокъ съ другого календаря. — У меня чернымъ по белому написано: «погода по Брюсу: гроза!»

Мы отъ души хохочемъ, удивляясь, какъ до сихъ поръ эта нелепая «погода по Брюсу» все еще изо дня въ день повторяется каждыиъ отрывнымъ календаремъ.

— Читайте дальше, Александръ Петровичъ, что еще новаго сообщаютъ въ вашей газете?

— Господа, слушайте! Сенсационное известіе! — повышая голосъ, читаетъ Александръ Петровичъ. — «Какъ высушить мокрую обувь». Это, господа, спеціально для насъ; у насъ обувь всегда мокрая! Ну, слушайте!

«Кто не испыталъ, какъ непріятно надевать башмаки, которые были промочены и затемъ высохли.

Следующій способъ просушки даетъ возможность избежать сморщиванья кожи.

Сейчасъ же, какъ только мокрые башмаки будутъ сняты, ихъ следуетъ наполнить овсомъ.

Овесъ обладаетъ большою способностью поглощать влагу и потому быстро впитываетъ въ себя всю влагу, изъ кожи.

Въ то же время овесъ разбухаетъ и такимъ образомъ не даетъ коже сморщиться».

— А ведь это остроумно! Беда, только, у насъ овса нетъ! Нельзя ли, Александръ Петровичъ, распорядиться, чтобы на пароходе всегда держали мешокъ овса? — предлагаетъ кто-то изъ товарищей.

— Мешкомъ мы не обойдемся! Придется тогда весь трюмъ овсомъ загрузить.

Не знаю, до чего дошелъ бы нашъ спектакль, если бы вошедшій вахтенный матросъ не доложилъ, что мы пришли на станцію.

— А где мы теперь? — спросилъ я.

— $75^{\circ}25'$ с.ш. $33^{\circ}30'$ вост. д., — отчеканилъ капитанъ.

— Николай Михайловичъ, вы ведь хотели идти только до 75° с. ш.? — спросилъ я.

— Да, — отвечалъ Николай Михайловичъ, — но мы наткнулись на одно въ высшей степени интересное явление, которое заставило меня несколько удлинить эту линію нашего рейса. Вотъ идемте въ лабораторію, я вамъ покажу полученныя нами температуры на линіи, которую мы прошли, начиная отъ Екатерининской гавани.

— Вы знаете, — началъ Николай Михайловичъ, когда мы пришли въ лабораторію, — что Гольфстремъ, подходя къ берегамъ Европы, поворачиваетъ, на северъ и идетъ вдоль Норвегіи; дойдя до Нордкапа, онъ даетъ ветвь на западъ, которая подъ именемъ Нордкапскаго теченія вливаетъ свои воды въ исследуемую нами область. Прежде русскіе изледователи, производившіе почти исключительно наблюденія на поверхности океана, принимали за воду ветвей Гольфстрема всякую воду не слишкомъ малой солености... Но ведь вода эта могла представлять собою и смесь воды Гольфстрема съ прибрежной, и смесь ея съ арктической, и даже чисто арктическую воду!

— А разве, — перебилъ я, — нельзя было руководиться при этомъ еще температурными данными? Ведь вода Гольфстрема должна быть теплее?

— Конечно, — продолжалъ Николай Михайловичъ, — но на поверхности происходитъ нагреваніе воды, и, съ какой водой здесь имели дело, на основаніи поверхностныхъ наблюденій судить нельзя. Темъ более, что какъ показываютъ скандинавскія изслѣдованія, подъ высокими широтами вода Гольфстрема покрывается въ громадномъ большинствѣ случаевъ водою иного происхожденія.

— Посмотрите теперь, — продолжалъ Николай Михайловичъ, отыскивая въ записной книжкѣ некоторыя температурныя серіи — результаты нашего рейса! Вотъ прибрежныя станціи: здесь, какъ вы видите, довольно высокія температуры идутъ вплоть до дна. Это явленіе, наблюдаемое летомъ всегда, есть результатъ более сильнаго нагреванія у береговъ. Но вотъ станція приблизительно подъ 71° с. ш.: здесь у дна, на глубинѣ 205 метровъ температура равняется $+1,5^{\circ}$! Подъ $71^{\circ}30'$ с. ш. на той же глубинѣ наблюдается $+2,8^{\circ}$, а у дна, на глубинѣ 265 — $+2,4^{\circ}$! Немного севернее, подъ 72° с. ш. — на глубинѣ 200 метровъ — $+1,5^{\circ}$, а у дна на глубинѣ 250 метровъ — всего лишь $+0,8^{\circ}$. Несомненно подъ $71^{\circ}30'$ с. ш. мы пересекли струю более теплой воды! И заметьте, именно около этой широты въ разведочной экспедиціи удалось констатировать массовое присутствіе промысловой рыбы, въ то время какъ у береговъ ея не было! Смотрите дальше! Подобную же струю более теплой воды мы пересекли около 74° с. ш. Но вотъ станція подъ 75° с. ш.:

здесь только на самой поверхности мы имеем воду с температурой выше нуля; уже с глубины 25 метров начинается вода с температурами -0,5, -1,4, -0,2 и -0,4 у дна, на глубине 140 метров. Думая, что мы вышли из полосы ветвей Гольфстрема и попали в область арктической воды, я решил придвинуться немного севернее. И что же? Оказалось, что под $75^{\circ}15'$ с. ш. мы снова встречаем более теплую воду: здесь только у дна на глубине 197 метров мы встретили температуры -0,2! Все остальные температуры были выше нуля! Ну, как было не пройти немного дальше на N и не убедиться в том, что здесь мы тоже нашли струю более теплой воды. Идемте, узнаем! Вероятно, уже определили придонную температуру.

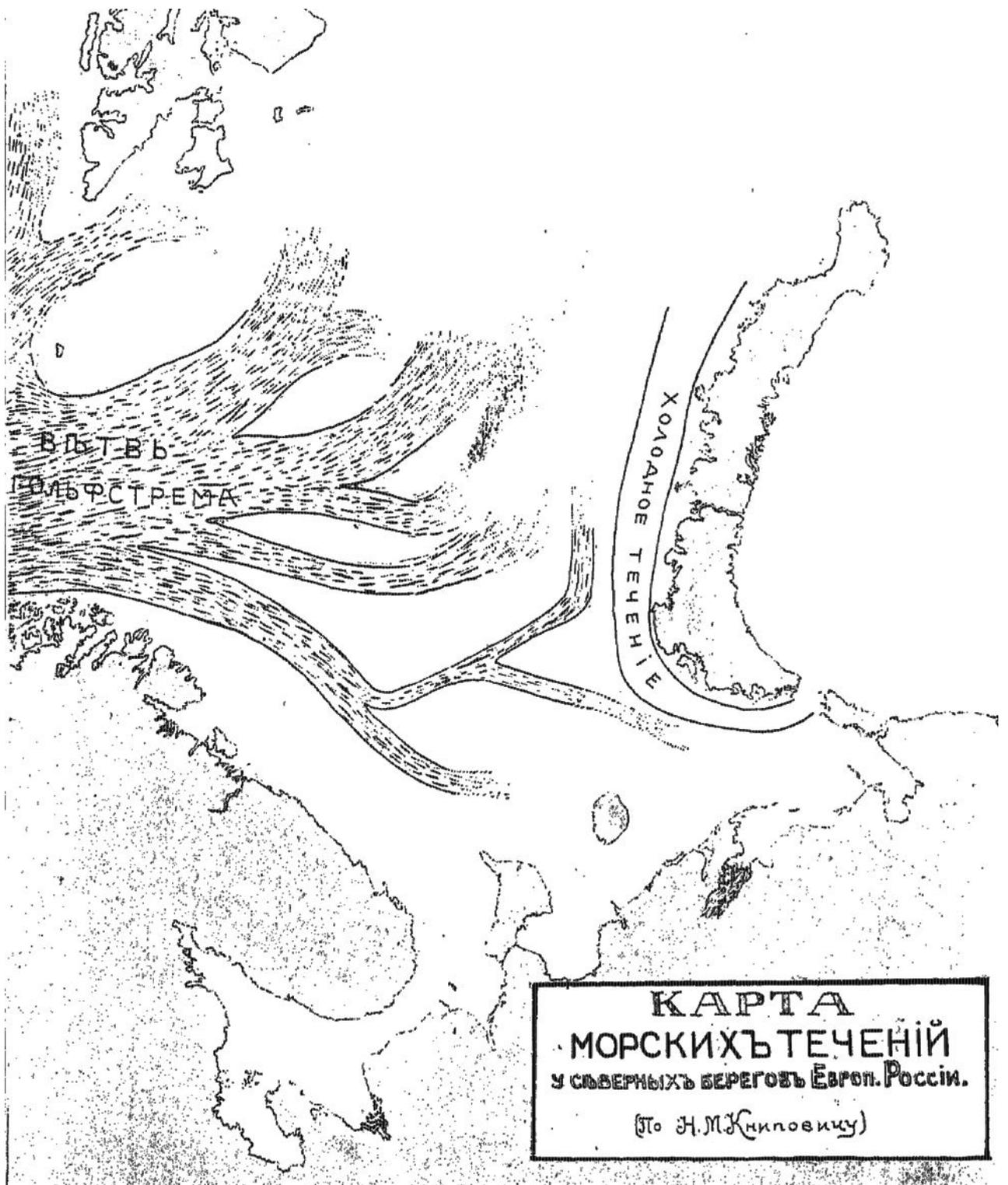
— Какая глубина? — спросил Николай Михайлович товарища, производившего наблюдение.

— Глубина — 267 метров. Температура на 260 м. +0,3, на 200 м. — +1,5!

— Вот видите, — сказал Николай Михайлович, — несомненно здесь проходит 3-я ветвь Гольфстремной воды! Я уверен, что анализы обнаружат во всех этих трех случаях и большую соленость.

Николай Михайлович не ошибся! Во всех этих трех пунктах вода обладала наибольшей соленостью, около 35 частей соли на 1000 частей воды.

Только теперь я понял, как в настоящее время устанавливаются расположения вод различных происхождений!

Николай Михайлович на палубе «Андрея».

Когда мы разговаривали, обсуждая результаты добытой серии, къ намъ подошелъ Александръ Петровичъ.

— Николай Михайловичъ — сказалъ онъ, — на горизонте видно парусное судно!

Мы были поражены! Здесь, въ открытомъ океане, вдали отъ всякихъ торговыхъ рейсовъ — какое-то судно? Мы бросились на мостикъ, схватили бинокли и начали разсматривать. Действительно небольшой парусникъ въ роде «Помора» шель по направленно къ намъ.

— Вероятно, это какое-нибудь норвежское тюленебойное судно! — заметилъ Николай Михайловичъ. — Когда работы будутъ окончены, нужно будетъ подойти къ нему: наверное, оно было во льдахъ и можетъ дать намъ кое-какія сведенія объ ихъ расположеніи. Лды несомненно близко!

— А почему вы такъ уверены въ этомъ? — спросилъ кто-то изъ насъ.

— А вы посмотрите, какъ упала поверхностная температура! — отвечалъ Николай Михайловичъ. — На предыдущей станціи, всего въ 10 миляхъ южнее было +1,4, а здесь лишь +0,4.

По окончаніи работъ мы пошли къ паруснику. Вскоре ясно можно было различить его очертанія и отдельныя паруса. На мачте была укреплена бочка, въ которой на тюленебойныхъ судахъ сидитъ матросъ и въ подзорную трубу оглядываетъ лды, отыскивая на нихъ тюленей.

— Isbjorn! Я ясно теперь вижу въ бинокль названіе! — сказалъ Александръ Петровичъ.

I sbjorn.

Мы видели, какъ начали спускать шлюпку. Скоро къ намъ на палубу вскарабкался типичный норвежець - морякъ. Онъ явился къ намъ, чтобы узнать широту и долготу места. О льдахъ онъ сообщилъ, что они недалеко, что Новая Земля окружена льдами, среди которыхъ стоитъ какой-то большой пароходъ. Судя по описанію, это былъ «Ермакъ».

Конечно, было бы интересно пойти дальше на северъ, чтобы проследить вновь открытую ветвь Гольфстрема, но рискъ застрять во льдахъ заставилъ повернуть и пойти по второй линіи нашего рейса.